

Милешина Наталья Александровна, Чернышов Артем Петрович

СЛУЖЕБНЫЙ ДОЛГ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ СРЕДНЕВОЛЖСКОГО ДВОРЯНСТВА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ

В статье представлен анализ восприятия служебного долга средневожским дворянством в первой половине XIX века. Выявлены факторы, предопределившие изменения в отношении провинциального дворянства к службе в изучаемый период. Особое внимание уделяется анализу политики самодержавия в формировании дворянского отношения к службе как к почетному долгу, а не как к тяготящей обязанности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-4/30.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. IV. С. 129-131. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 37(091)045

Исторические науки и археология

В статье представлен анализ восприятия служебного долга средневожским дворянством в первой половине XIX века. Выявлены факторы, предопределившие изменения в отношении провинциального дворянства к службе в изучаемый период. Особое внимание уделяется анализу политики самодержавия в формировании дворянского отношения к службе как к почетному долгу, а не как к тяготящей обязанности.

Ключевые слова и фразы: служебный долг; дворянство; повседневность; система ценностей; самодержавие; самосознание; нравственные приоритеты.

Милешина Наталья Александровна, д.и.н., доцент

Чернышов Артем Петрович

*Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева
natmil@mail.ru; petrowich13@mail.ru*

СЛУЖЕБНЫЙ ДОЛГ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ СРЕДНЕВОЖСКОГО ДВОРЯНСТВА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ[©]

Безупречная служба традиционно являлась одной из главенствующих составляющих дворянской системы ценностей и рассматривалась дворянством, которое неслучайно называлось служилым сословием, как основной способ демонстрации своей преданности царю, как гарантия поддержки и покровительства высшей власти. Однако в 1762 году «служивое сословие» было освобождено от обязательной службы, «служить или не служить» стало личным делом каждого дворянина. Оценивая изменение отношения дворянина к службе после издания Манифеста о вольности дворянства, историки обычно опираются на ставшее хрестоматийным высказывание тульского дворянина А. Т. Болотова о «всеобщем ликовании» дворянства после опубликования Манифеста о вольности дворянству и о массовом возвращении в деревни [2, с. 564]. Воспоминания предстателей других губерний, в том числе и средневожских дворян, на первый взгляд, подтверждают утверждение «тульского энциклопедиста». «По праву дворянства, со счастьем вышед в отставку» вернулся домой нижегородский дворянин, отец мемуариста И. А. Глухова [1, с. 206]. Уже в 1765 г. «с превеликою радостью» ушел в отставку владелец имений в Пензенской и Нижегородской губерниях А. И. Полянский [9, д. 103, л. 2]. Однако более детальный анализ источников показывает: реакция провинциального дворянства на освобождение от обязательной службы была далеко не однозначной и определялась рядом факторов.

В первую очередь, на отношение дворянства к служебному долгу традиционно влияла внутрисословная иерархия. В частности, нижегородская провинциальная аристократия не одобряла добровольной отставки современников: «Издавна верой и правдою служили мы престолу... Негоже дворянам службу оставлять» [10, д. 150, л. 2]. Среднепоместное и мелкое дворянство, напротив, часто были вынуждены оставлять службу в силу экономических причин: небольшие чины на службе не могли дать того дохода, который при разумном хозяйствовании приносило дворянину поместье в новых экономических условиях. Эта тенденция становилась все более отчетливой в первой половине XIX века. В этом отношении показательно письмо временного генерал-губернатора Казанской губернии А. Е. Тимашева В. А. Долгорукову от 25 декабря 1860 г., автор которого признавал: «Не те времена, чтобы позволять себе большие издержки. Источники дохода скудны...» [4, д. 61, л. 6]. В заключение письма Александр Егорович делает вывод, что доходы от службы слишком малы и ему придется снова приняться за свое хозяйство.

Важную роль играло и самосознание, нравственные приоритеты каждого отдельно взятого дворянина. Для части провинциальных дворян военная служба ассоциировалась с долгом Отечеству, с делом чести, традициями семьи. «Россия никогда не славилась богатством – у нас служили из должности, из чести, из куска хлеба, не более...», – писал Н. М. Карамзин [8, с. 104]. Так, в семье разорившегося и больного нижегородского дворянина Ф. Еропкина служили, как когда-то отец, все его 4 сына: «Четыре брата мои служили в военной службе были всю французскую войну в армии заслужили отличия и после двое умерли от ран третьей чехоткою. Остался один, который и теперь служит в уланах» [10, д. 150, л. 3].

Для части помещиков отношение к службе предопределило неумение приспособить свои имения к формирующимся рыночным отношениям, разорение из-за расточительного образа жизни. В этой связи многие состоятельные помещики были вынуждены вновь возвращаться на службу. Наглядной иллюстрацией этого являются мемуары Ф. Ф. Вигеля, характеризующие пензенское дворянское общество: «Петр Михайлович Опочинин... в первой половине жизни, чересчур любя её наслаждения, как многие другие наши дворяне, с беспечностью истинно русскую, успел все имение прожить; под старость лет в чине статского советника принужден он был принять должность советника Пензенской Уголовной палаты, в те поры ещё довольно уважаемую» [3, с. 289].

Другая часть провинциального дворянства продолжила службу по тем же причинам, что и столичная знать. Самым распространённым мотивом, побуждающим служить, было стремление к получению чинов. Ещё со времен «Табели о рангах» 1722 г. чин стал одной из важнейших составляющих высокого социального статуса дворянина, что предопределило начало так называемой «погони за чинами». От чина зависели многие составляющие не только служебной деятельности, но и повседневной жизни дворян. Приглашения ко двору,

в дома состоятельных дворян касались только той части сословия, которая достигла высших чинов. Чин давал возможность найти высокого покровителя, означал безбедность существования, приближал к императору. Чин родителей имел весомое значение даже для их детей: «Родители мои были из весьма посредственного дворянства, как состоянием имения, так и чином; ибо отец мой был отставной секунд-майор...» [7, с. 552].

Общеизвестно, что дворянского ребенка записывали в службу обычно ещё в очень юном возрасте, причём в обычае было, «чтобы это делал крёстный отец в подарок своему крестнику, который лежа на боку добирался до больших чинов» [2, с. 763]. Высокий чин далеко не всегда был результатом личных заслуг, а покупался и продавался, зависел от влиятельности покровителя.

Для получения чина небогатые провинциальные дворяне, для которых он ассоциировался с прибавкой к жалованью, были готовы на многое. Некоторые даже жертвовали своим здоровьем. Так, нижегородский дворянин В. И. Ниротоморцев, служивший казначеем, в одной из своих челобитных «просил об отставке ево за болезнь от службы», поскольку «медная манета вредит здоровью, отчего он и болен сделался». Но в конце челобитной он упоминал, что «почти в шесть годов ево должности ни малейшаго недачота и недостатка в сумме не было, и ни в чем упущений», и просил «за исправность пожаловать чином» [11, д. 8, л. 2]. Когда он получил желаемый чин секунд-майора и надбавку к жалованью, то продолжил службу практически до конца жизни, несмотря на болезнь.

В формировании нового отношения дворян к службе, подразумевающего её восприятие как почетного долга, а не как тяготящей обязанности, существенную роль сыграло самодержавие. В частности, оно активно поощряло тех дворян, которые особенно усердно и преданно служили престолу. Так, в указе Николая I от 22 августа 1835 г. о награждении симбирского губернского предводителя дворянства князя М. П. Баратаева подчеркивалось: «В воздаяние двадцатилетней безпорочной службы Вашей Всемиловнейшее пожаловали мы Вам... знак отличия безпорочной службы для ношения по установлению на Владимирской ленте» [6, д. 4, л. 1]. Соответственно, власть не только использовала методы поощрения преданной службы дворян, но и создавала внешнюю атрибутику, выделяющую наиболее усердных служителей престола из общей массы дворян. Кроме того, названный указ свидетельствует о том, что важнейшим показателем ревностной и преданной службы дворянина была её длительность. Так, в личном фонде князя М. П. Баратаева обнаружены и другие императорские указы о его поощрении, в каждом из которых подчеркивается длительность срока службы князя как признак его особого усердия: он награждался за двадцатилетнюю, двадцатипятилетнюю, тридцатилетнюю «безпорочную службу» [Там же, л. 2, 3, 3 об.]. Здесь выявляется и ещё один принцип, на который опиралась власть при формировании нового отношения дворян к службе, – это систематичность поощрений наиболее ревностных служащих с постоянным акцентом на почетность и престижность такой службы.

Если ранее власть только намекала на взаимовыгодный характер сотрудничества императора и дворянина, то в период «апогея самодержавия» Николая I она открыто заявляла о том, что любое поощрение предполагает дальнейшую, ещё более ревностную службу престолу. В этом отношении показателен указ Николая I, обнаруженный нами в фонде симбирского дворянина П. М. Мачеверьянова: «Известно и ведомо да будет каждому, что МЫ Петра Мачеверьянова, который НАМ Португей-Прапорщиком служил, за оказанную его в службе нашей ревность и прилежность в НАШИ прапорщики 1829 года августа 24 дня Всемиловнейше пожаловали и учредили... И МЫ надеемся, что он в сем ему от нас Всемиловнейшее пожалованном чине так верно и прилежно поступать будет как то верному и доброму офицеру надлежит» [5, д. 11, л. 1].

Преданная и долголетняя служба императору открывала перед провинциальными дворянами много возможностей. Они могли не просто продвигаться по служебной лестнице, но и выбирать особо престижные и интересные для них должности. Так, тот же князь М. П. Баратаев обратился в 1835 г. к министру внутренних дел с прошением об определении его на службу в названное министерство. Вскоре он получил следующий ответ: «В полном уважении к долговременной службе Вашей, Милостивый Государь, сопровождающейся всегда особенно ревностно к пользам и исполнению видов правительства я ныне же причислил Вас к ведомству» [6, д. 29, л. 1]. Кроме того, министр заверил князя, что будет и впредь стараться, чтобы М. П. Баратаев получал «назначение соответственно чину, званию и способностям» [Там же, л. 1 об.].

Итак, если изначально дворянство как служилое сословие не представляло себя вне преданной службы государю, то освобождением дворянства от обязательной службы в 1762 году в средневолжской провинции не воспользовались аристократы, не нуждающиеся в дополнительных доходах, и те дворяне, которые «служили из чести» или по экономическим соображениям. Однако «ликование» по поводу освобождения дворянства от обязательной службы остальной части сословия в ряде случаев уже в первой половине XIX века сменилось осознанием необходимости службы как источника дополнительного дохода, приобретения определенного социального статуса или благоволения императора. Немаловажную роль в формировании отношения дворянства к службе сыграла политика самодержавия, различными способами акцентирующая внимание высшего сословия на выгодах и преимуществах безупречной службы престолу.

Список литературы

1. **Автобиография И. А. Глухова** // Шукинский сборник. М., 1907. Вып. 6. С. 202-268.
2. **Болотов А. Т.** Жизнь Андрея Болотова, описанная самим им для своих потомков: в 4-х т. СПб., 1871-1873. Т. 2. 1120 с.
3. **Вигель Ф. Ф.** Записки: в 2-х т. М.: Захаров, 2003. Т. 1. 608 с.
4. **Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)**. Ф. 945. Оп. 1.
5. **Государственный архив Ульяновской области (ГАУО)**. Ф. 257. Оп. 1.
6. **ГАУО**. Ф. 656. Оп. 1.
7. **Записки В. С. Хвостова** // Русский архив. 1870. № 1-2. С. 550-558.

8. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. М.: Наука, 1991. 125 с.
9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1276. Оп. 1.
10. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 933. Оп. 1963.
11. ЦАНО. Ф. 979. Оп. 1.

CALL OF DUTY IN THE VALUE SYSTEM OF THE MIDDLE VOLGA NOBILITY IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Mileshina Natal'ya Aleksandrovna, Doctor in History, Associate Professor
Chernyshov Artem Petrovich
Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evsev'ev
natmil@mail.ru; petrowich13@mail.ru

In the article the analysis of the perception of call of duty by the Middle Volga nobility in the first half of the XIX century is presented. The factors that predetermined the change in the attitude of the provincial nobility to service during the studied period are identified. Special attention is paid to the analysis of autocracy policy in the formation of the nobles' attitude towards service as an honorable duty, and not as a responsibility that burdens them.

Key words and phrases: call of duty; the nobility; daily routine; value system; autocracy; self-awareness; moral priorities.

УДК 93

Исторические науки и археология

В статье рассматривается проблема организации системы закрытого призрения детей на территории Центрального Черноземья в XIX – начале XX в. Обосновывается идея о том, что здесь уже в начале XIX века началась процесс перехода на качественно новый уровень решения данной проблемы. Особое внимание уделяется таким направлениям благотворительности как помощь сиротам, арестантским детям и несовершеннолетним преступникам. Делается вывод о том, что учреждение богаделен и приютов для детей позволило сделать призрение более систематическим и эффективным.

Ключевые слова и фразы: благотворительность; социальное призрение; солидарность; субсидиарность; деградация; маргинализация; нищепитательство; детская беспризорность; богадельня; приют; благотворительное общество; социальная патология.

Мошкин Александр Николаевич, д.и.н., профессор
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
moshkin@bsu.edu.ru

Шахов Вячеслав Вячеславович, к.и.н.
Агарков Александр Фёдорович, к.и.н.
Брагин Александр Александрович, к. соц. н.
Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени И. Д. Путилина
schahov.slava@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ЗАКРЫТОГО ПРИЗРЕНИЯ ДЕТЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX В. ©

Бурное развитие рыночной экономики в России с начала 90-х годов XX в. привело не только к трансформации системы общественных отношений, но и к радикальным изменениям в сфере перераспределения доходов населения. Передел собственности, концентрация частного капитала привели к неслыханной в советское время социальной дифференциации. Не все люди сумели вовремя сориентироваться в новых условиях. Такие явления как деградация, маргинализация привели к обострению множества социальных патологий, таких как женский и детский алкоголизм, наркомания, проституция. Исторически обусловленный процесс первоначального накопления капитала привёл к образованию в обществе прослойки очень богатых и прослойки очень бедных людей.

Более чем двадцатилетний период формирования в России демократических традиций показал важность развития принципов солидарности и субсидиарности – как основных составляющих продуктивного развития общественных отношений и благополучного будущего государства. Но, несмотря на убежденность многих людей в том, что благотворительность рано или поздно должна быть вытеснена системой государственной социальной защиты, а на смену филантропии и нищепитательству придёт социально-ориентированная политика государства, всё большую актуальность сегодня приобретает вопрос развития частной благотворительности как одной из ступеней на пути формирования развитого гражданского общества в условиях сложной